

МЕЖКУЛЬТУРНОЕ ОБУЧЕНИЕ КАК ПОЛИЛОГ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР

Материалы Летней школы

**Астана
2016**

УДК 811
ББК 81
Р43

Редакционная коллегия:

Ш.К. Жаркынбекова, Е.А. Журавлёва (отв. ред),
Ж.Б. Бектурова, А.К. Ешекенева (техн. ред.)

М88 Межкультурное обучение как полилог языков и культур: сборник статей / Отв. ред. Е.А. Журавлёва. – Астана: Изд-во ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2016. – 232 с.

ISBN 978-9965-07-773-9

Сборник содержит статьи участников Летней школы «Инновационные технологии и методика преподавания языковых дисциплин в системе полиязычия», посвященной 20-летию ЕНУ им. Л.Н. Гумилева. В сборнике представлены концепции казахстанских лингвистов, методистов-практиков средней и высшей школы по актуальным вопросам межкультурного обучения, языковых контактов, проанализированы формы и направления инновационной лингводидактики в контексте межкультурной и профессиональной коммуникации.

Издание адресовано ученым-лингвистам и педагогам-практикам в области межкультурной коммуникации, а также широкому кругу читателей.

УДК 811
ББК 81

ISBN 978-9965-07-773-9

© ЕНУ им. Л.Н. Гумилёва, 2016

Литература:

1. Жиеналина Б.Т. Словарь этнокультурной лексики русского языка. – Астана, 2013. – 63 с.
2. Концепция этнокультурного образования // Казахстанская правда. – 1996. – 6 августа – с.5.
3. О языках в Республике Казахстан: Закон РК от 11 июля // Казахстанская правда – 1997. – 15 июля.

ИСТОРИЯ И ЧЕЛОВЕК В ТВОРЧЕСТВЕ Ч. АЙТМАТОВА

Жапанова М.Е.

Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева

г. Астана, Казахстан

marzhan.eni@gmail.com

Г.Д. Гачев в исследовании «Национальные образы мира. Центральная Азия» выделял три периода «в творчестве и духовном развитии Айтматова». К первому периоду относил «Повести гор и степей», с которыми киргизский писатель вошел в литературу. В центре повестей был, по слову ученого, герой – «молодой человек, в кипении страсти прорывающий, как река, теснины патриархально-родовой общины и свой личный путь прокладывающий по жизни». «Материнское поле» и «Прощай, Гульсары» образуют второй период. В этих произведениях автором владела «дума об истории своего народа, события революции, колхозного строительства, войны». Третий период, по мнению исследователя, начался с повести «После сказки (Белый пароход)», включал «Ранние журавли», «Пегий пес, бегущий краем моря», а также пьесу «Восхождение на Фудзияму» и роман «Буранный полустанок»[4,с. 218].

Национальные образы киргизского писателя Г.Д. Гачево определял как проблемные пары – Личность и Жизнь, Народ и История, Совесть и Бытие, которые свидетельствовали о «восхождении Айтматова к глубинным сутям». Опираясь на концепты ученого, заметим, что означенные проблемные пары составляли основу и повести «Лицом к лицу» (1957), где историческое событие Великой Отечественной войны присутствует косвенно, служит фоном для развития событий, происходящих в киргизской глубинке.

Проблеме, поднятой в повести Ч. Айтматова, в литературе СНГ посвящен ряд произведений. Типологически родственны «Я вижу солнце» (1965) Н. Думбадзе, «Живи и помни» (1974) В. Распутина, в которых воссозданы образы дезертиров Датики и Гуськова.

Российский литературовед А.А. Газизова в исследовании «Обыкновенный человек в меняющемся мире», в главе «Две повести о несчастном сознании» наряду с айтматовской анализирует повесть «Живи и помни» (1974) В. Распутина. По мнению автора, оба писателя написали философские повести о кризисе сознания обыкновенного человека и его преодолении, при этом, находя или теряя себя. Их герои стояли перед выбором – выжить или погибнуть, они – «выжили». Поступок в критической ситуации становится формой философского суждения о жизни, а решающий выбор – результатом самосознания. Литературовед подводит к мысли: «...в сознании происходит неблагоприятный сдвиг, в разладе частного и общего оно делается несчастным» [3, с. 71]. Далее она апеллирует к экзистенциализму, где есть понятие «несчастное сознание», обозначающее кризисное состояние человеческого духа перед лицом смерти.

Главный герой, Исмаил стоит не перед выбором тактики ведения боя, а перед нравственным выбором, он борется с самим собой. Писатель всматривается в него, отыскивая основание выбора в тайнах его сознания и души. Спасая свою жизнь, молодой человек прячется от реальной жизни: «Каждому своя жизнь дорога, каждый себя бережет, а в эту войну только тот и уцелеет, кто сам позаботится о своей голове» [1, с. 386]. Оправдывая свой поступок, дезертир размышляет, что и отцу родному, если он поднимется из могилы, нельзя доверять. Исмаилом движет чувство страха «внешнего и внутреннего», который зависел от «каузаторов возникновения» (С.В. Зайкина) – Война и желание Жить. Ситуации испытания и переживания этого чувства Ч. Айтматов передает через внешнее, внутреннее и физиологическое состояния дезертира: «... вышел во двор и, оглядываясь по сторонам, прокрался к сараю»; «... молча выхлебав большими, гулками глотками полную чашу похлебки, Исмаил недовольно буркнул: – Еще есть?»; «... Исмаил стал ненасытный. Сколько не принеси, все подберет до крошки: может, и наелся уже, а глаза по-прежнему голодные, жадные»; «...больше всего говорит о еде, и думает, вероятно, только об этом...»; «... кровь у меня стала холодная: воды в ней много... Очень много»;

«...Исмаил шел, прячась по неприметным местам, снова в направлении аила»; «... он спрятался среди больших камней-валунов»; «...ненавижу! Отомишу...! Никого не пожалею!»; «...что-то увесистое, шмякнув, выпало из рук Исмаила...»; «... он с силой затряс жену, захрипел, из рта его пахло полусырым недожаренным мясом». Чувство страха, как некое абстрактное явление, манипулировало им, приведя к пробуждению и обнажению в нем звериных инстинктов: «Если жизнь волчья, то и сам будь волком! Всяк для себя!.. Лишь бы самому нажраться... Кто рвет то и ест» [1, с. 442]. Движимый звериными помыслами он лишает еды семью Байдалы. Ведь только вчера, сын покойного Асантай, заметно отощавший за последнее время, обещал угощать молозивом его Амантура. Он убивает корову-мать (А. Газизова), он не дурак, не хочет околеть как собака, не для этого всю зиму дрог на холоде. Испуг перед неизвестностью, войной, смертью перешли в нем в устойчивую черту характера – боязнь страха.

Переживание страха Сейде представляет собой мучительное чувство, затрагивающее ее душу: «... шла по улицам, опасаясь, как бы не встретился кто-нибудь, не остановил бы ее»; «испуганная и в то же время обрадованная тем, что Тотой ни о чем не догадывается, Сейде растерянно смотрела ей вслед»; «... показалось, что Мырзакул угадал по лицу, как мечутся ее мысли, и от этого еще больше покраснела»; «...неужели он заметил»; «...вспоминая поразивший ее непонятный взгляд Мырзакула, она вдруг обмирала вся, и руки у нее опускались»; «... Сейде в один миг насторожилась, ожидая самого страшного и быстро прикрыла платком задрожавшие губы»; «... Сейде круто повернулась и пошла, едва удерживаясь, чтобы не побежать». Преследовавший женщину в начале повести эмоциональный страх, постепенно переходил в страх перед физической расправой деградировавшего мужа. Нравственное сознание «молодой седоволосой женщины» одерживает победу над «несчастливым сознанием» Исмаила: «... ему вдруг показалось, что она стоит высоко, очень высоко, недоступная в своем скорбном молчании, а он бессилен и жалок пред нею» [1, с. 445].

Вчитываясь в страницы повести, мы находим дезертирству Исмаила в какой-то степени объяснение историко-социального характера: ведь его нагаши, родственников по материнской линии, предков когда-то несправедливо раскулачили. И именно к ним, за

рубеж, планировала переправить семью сына старуха Бексаат, рассуждая о том, что: «В тех далеких горах никто никому не власть. Горы там всему власть...» [1, с. 416]. Чаткал для них стал обетованной землей, мысли о которой придавали силы, помогали жить.

Сложно назвать двух близких женщин Исмаила – мать Бексаати жену Сейде, соучастницами предательства. Старой и мудрой женщине приходилось жить «жизнью крота», «избегать лишних встреч и разговоров с односельчанами», а Сейде переносить не только физические удары, но и душевные. В ответ на вопросы о местонахождении Исмаила и их связи, подозревавшему уже давно Мырзакулу, она испуленно отвечала: *«Ты... меня совестью не бей»* [1, с. 407].

В произведении развит мотив «мать – сын», который обогатил содержание повести. Этот мотив можно расширить и сформулировать, как «мать и человечество». Показателен, в этом смысле плач Бексаат, который начинается со слов: «Ведь человек не может жить без людей. Он потому и человек, что с людьми...; если женщина змею родит, то и змея для нее своя плоть, как своя печень, не отделишь от себя» [1, с. 414]. В «плаче-монологе» выражается боль женщины – материнская к снохе, братьям Усенкулу и Арыну (чаткальским аксакалам), «хозяйственным людям, сгинувшим в Сибири», словом, ко всем, кто становится жертвой исторических обстоятельств.

Известно, что прототипом героя-дезертира был односельчанин Ч. Айтматова, которого он знал с детства, и звали его Исмаил. Позже Айтматов писал, что имя героя он наверняка не изменил в силу своей неопытности: «Когда я приступил к написанию «Лицом к лицу», литературного опыта у меня было еще мало, а иначе, я бы, наверное, изменил имя персонажа» [2, с. 71]. Спустя годы он получит письмо от «знаменитого» своего земляка, расплатившегося за дезертирство десятью годами тюремного заключения. Исмаил в нем сообщал, что в жизни у него «все как положено». Двое его сыновей служили в рядах Советской армии, один из них – во флоте. Иными словами, он как бы оплатил своей жизнью за все сполна.

В повести усматривали антисоветские взгляды писателя, его обвиняли в «слишком беззубом изображении» Исмаила, в том, что дезертир его «выглядит трагедийной фигурой».

Проблемную пару «народ и история», начатую в повести «Лицом к лицу», продолжает роман «И дольше века длится день...» (1980), дополняя парами – «личность и жизнь», «совесть и бытие». Названные произведения, вероятно, не случайно были изданы одной книгой в 1991 году – их объединяла тема войны.

Если в повести «Лицом к лицу» поступок Исмаила продиктован, предшествовавшей войне кампанией раскулачивания, то в романе «И дольше века длится день» – продолжение сталинской кампании, против интеллигенции в тоталитарном обществе.

Главный герой – фронтовик, железнодорожный рабочий Едигей Жангельдин, через судьбу которого осмысливается мир. Он был на войне, получил контузию, мыкался по чужим углам, пережил лишения и трудности послевоенного времени.

По мнению Г. Гачева, «сюжет романа – похороны, а идея его – Память» [4, с. 632]. Далее ученый рассуждает: «И вот сюжет романа – меж похоронами и письменностью: два дела, простые и древние и великие, что вдруг оказываются преступными и невозможными ... нельзя похоронить... и нельзя записать свою жизнь и мысль: за это – к ответу Абуталипа» [4, с. 633]. Нельзя жить, где хочется – «призрак войны шастал по пятам» и потому «порядочные и культурные» Абуталип и Зарипа «очутились в сарыозекской глухомани». Беда этого человека заключалась в том, «что он побывал не только в немецком тылу, но, на счастье или несчастье свое, совершил побег вместе с группой военнопленных из концлагеря в Южной Боварии, оказался в сорок третьем году в рядах югославских партизан» [1, с. 105]. Воевавший в югославской освободительной армии, награжденный их боевыми орденами, он у себя на родине, в эпоху «холодной войны» обретает статус «сомнительной личности», преследуемой комитетом государственной безопасности. Несмотря на жизненные перипетии Абуталип обретает свободу, но постоянно находится в состоянии несвободы, не имеет возможности воспользоваться правом, поступать по своему желанию.

В мыслящем, самостоятельном и талантливом человеке власть, которую олицетворял Тансыкбаев, видела «опытного врага», упрятавшегося в глуши. «Партизанские тетради» с подзаголовком «Дни и ночи в Югославии», изъятые спецсотрудником, представляли собой беседы Абуталипа о жизни, наблюдения и описания событий, произошедших с ним. Они, как духовное наследие, предназначены были для его детей – Даула и Эрмека. Несомненно, записи,

сделанные умышленно и содержащие «что нам не на пользу» явили собой дневник «своей смерти» Абуталипа, а его поступки представляли «плоды высоко-личностного сознания и культуры, интеллигентности» (Г.Д. Гачев).

Власть допускала, что в жизни всякое может быть в смысле исторических событий и вспоминать их можно устно или письменно «как требуется сейчас, как нужно сейчас для нас», а иначе – «вступаешь во враждебное действие».

Приводящий в действие механизм репрессивной системы Тансыкбаев, часами размышляют о тождестве и торжестве имен и понятий: Победа, Сталин, Ленин, Вождь – Бог Власти. Государственные интересы должны быть превыше всего и как утверждал он: «Государство – это печь», которая горит только на одних дровах – на людских» [1, с. 200].

Движимый реальными перспективами повышения по службе, бдительный спецсотрудник обращает внимание на стародавнюю историю «Сарыозекская казнь» из времен Чингисхана, в которой, «можно усмотреть некий политический намек». Она осуждала сильную верховную власть, подрывая идеи главенства интересов государства над интересами личности. В «Легенде о манкурте», завуалированной под старину, гэбэшник «усмотрел» призыв к возрождению ненужного и забытого языка предков, к сопротивлению ассимиляции наций.

Осознание своего особого назначения – заботиться о «чистоте» родины выражено в монологе новоиспеченного подполковника, который, вероятно, по замыслу автора, является собирательным образом спецсотрудников, неистово служивших «всевышнему»: «...Наш бог – это держатель власти, ... это наш гениальный вождь, держащий повод эпохи в руке, как, понимаете, держит вожак каравана повод головного верблюда, это наш Иосиф Виссарионович!..» [1, с. 194]. Духовно опустошенные преданные, беспамятные слуги тоталитаризма Тансыкбаевы, словно, манкурты вели себя по отношению к своему народу и истории.

Тема Великой Отечественной войны является доминантной в творчестве Ч.Айтматова. В беседе с литературным критиком В.Левченко, автор признается: «И в «Джамиле», и во многих других моих вещах в самом деле присутствует действие войны». Рассуждая о разных аспектах ее изображения, уточняет свой: «У меня было если не осознанное, то подсознательное желание сказать о человеке, о

подростке, о том, как он сталкивается с войной. Он частица общества, значит, и на него выпадает определенная тяжесть. Во-вторых, передо мной стояла более широкая задача: показать, что как бы то ни было разрушительно действие войны, оно не может разрушить человека [2, с.32].

Перечитав произведения Чингиза Айтматова, резюмируем:

- повесть «Лицом к лицу» и роман «И дольше века длится день...» объединяет мотив исторической и человеческой памяти;
- герои произведений стоят перед нравственным выбором;
- нравственное сознание одерживает победу над «несчастливым сознанием»;
- война вносит коррективы в судьбы людей, она лишает их свободы;
- символичны заглавия произведений.

Литература:

1. Айтматов Ч. И дольше века длится день (Белое облако Чингисхана) / Гл. ред. КСЭ. – Бишкек, 1991.
2. Айтматов Ч. Полное собрание сочинений. Т.8. Статьи. Эссе. Выступления. – Алматы: ОФ «Алем Арт», 2008.
3. Газизова А.А. Обыкновенный человек в меняющемся мире. Опыт типологического анализа советской философской прозы 60-80 годов. – М.: Прометей, 1990.
4. Гачев Г. Национальные образы мира. Центральная Азия: Казахстан, Киргизия. Космос Ислама (интеллектуальные путешествия). – М.: Издательский сервис, 2002.
5. Антология концептов / Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. – М.: Гнозис, 2007.